

ЛИКБЕЗ

ПО

АЛЕКСАНДР
НИКОНОВ

ЭКО

НО

МИ

БЕЗ

ИЛЛЮЗИЙ
О РАБОТЕ

ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

КЕ

Звезда Рунета. Бизнес

Александр Никонов

**Ликбез по экономике:
без иллюзий о работе
общества и государства**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 330.1
ББК 65.02

Никонов А. П.

Ликбез по экономике: без иллюзий о работе общества и государства / А. П. Никонов — «Издательство АСТ», 2020 — (Звезда Рунета. Бизнес)

ISBN 978-5-17-110421-4

Экономика – это способ жизни общества. И в таком случае неудивительно, что экономические проблемы больно бьют по всем клеткам нашего социального организма вне зависимости от того, хотим мы этого или нет. Игры с экономикой дорого обходятся человечеству, что не раз подтверждалось событиями мировой истории. Эта книга – не учебник, здесь нет нудных экономических законов и скучных математических формул, зато есть понимание сути нашей жизни, которая неразрывно связана с обществом. Мы рассмотрим предпосылки формирования рынков, обсудим необходимость зарождения денег, подробно рассмотрим существовавшие экономические системы, детально разберем экономику СССР и наследие нашего прошлого! Ведь мы взрослые люди – а не знать законы жизни нашего общества чревато материальными и моральными потерями, которые всем нам хочется избежать.

УДК 330.1
ББК 65.02

ISBN 978-5-17-110421-4

© Никонов А. П., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Горькая правда о нас	5
Часть 1	7
Простота хуже воровства	7
Инстинктивная база экономики	9
Цивилизация побеждает культуру	11
Экономика против насилия	14
Глобализация в каменном веке и древнем мире	19
Залог успеха и доброй жизни	28
Как характер экономики влияет на свободу	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Никонов

Ликбез по экономике: без иллюзий о работе общества и государства

Горькая правда о нас

Человек – ленивая скотина. Поэтому он все время тянется в рай. Там можно ничего не делать и все иметь. А тут – экономика! Надо ходить на работу, прислуживать другим людям, что-то для них делать, тогда и они для тебя что-то сделают. Это неприятно. Приятнее, если бы они для меня все делали, а я бы только развлекался и играл на арфе, а лучше в карты!..

Когда стало окончательно ясно, что на этом свете экономики никак не избежать, а на рай надежда плохая в связи с полной ненаблюдаемостью создателя и устроителя рая, придумали эрзац-рай – коммунизм. Стоит только дожить дотуда – и уж там заживем! Можно будет на работу не ходить, а все на халяву брать в магазинах и всю жизнь развлекаться. Вкалывают роботы, счастлив человек!

Увы, все попытки построить такую богадельню закончились плачевно. Это фиаско, братан! Костлявая рука экономики почему-то никак не хочет отпускать нас в счастливый коммунистический стругацкий Полдень. Почему? И что такое экономика по сути своей? Отчего она такая злая, что заставляет нас страдать работою?

В попытках разобраться в этом вопросе чего только люди не нагородили, каких только теорий не придумали! Причем порой теории эти бывают весьма забавны. Вот пример из жизни... Но сначала – маленькое вступление.

Если считать экономику наукой (каковой она мечтает стать когда-нибудь), то мы должны и относиться к ней, как к науке, а не как к Учению, то есть должны воспринимать экономику как бы отстраненно, не привлекая сюда любимых идеологем и воззрений о том, как должен быть устроен мир. Изучаем то, что есть, а не то, что должно быть! Не бывает ведь православной астрономии или марксистской биологии, согласны? Все попытки церкви порулить планетами заканчивались кострами для еретиков и последующим позором для церкви. А все попытки советских марксистов указать генетике и кибернетике на то, что они есть продажные девки империализма и противоречат Единственно Верному Учению, закончились научным отставанием и опять же позором. Урок усвоен? Увы! Автор лично знаком с одним православным экономистом, который всю свою экономическую теорию выстраивает на... Библии.

И это не шутка! Вы и сами этого человека тысячу раз видели и слышали. Сей бородастый экономист с одутловатым лицом постоянно вещает на радио, в интернете и по телевидению о грядущем мировом кризисе, глобальных закулисных элитах, управляющих планетой, и о грядущей «кластеризации» мира – в противовес сегодняшней глобализации. А еще он верует в грядущий коммунизм, считает социализм самым эффективным экономическим строем и, в полном соответствии с Библией, полагает банковский кредит «грехом», за который господь нас карает кризисами. Его идеал – экономика деревни староверов, а в речи этого православного экономиста постоянно встречается слово «проект». Социализм – проект, капитализм – проект, постиндустриализм – проект...

Я вам советую, обращайтесь внимание на это словечко – «проект» – в речи тех, кто пускается в экономические или социально-политические рассуждения! Это слово, ставшее столь модным нынче, – прекрасный маркер человека с конспирологическим мышлением, любителя теории заговоров, а иногда и откровенного шизофреника... С точки зрения психологии подобного рода «проектное мышление» весьма характерно для боговерующих, что естественно, у

них же весь мир – проект! И если вселенную создала некая разумная воля по произволу и проекту, то уж экономику-то капитализма наверняка придумали и воплотили в жизнь по своему плану какие-то хитровыделанные «мировые элиты», рептилоиды, жидомасоны или загадочные англосаксонские «финансисты» с известными фамилиями – всякие там рокфеллеры, морганы, ротшильды, которые собираются в каком-нибудь тайном Бельдебергском клубе, где принимают решение, куда дальше двигаться планете и как им, окаянными, половчее изничтожить 6 миллиардов человек, оставив только один золотой-презолотый миллиард.

Однако если уйти от мифологии – религиозной, марксистской, фашистской, любой – и посмотреть на экономику без идеологических шор, то что мы увидим, разглядывая феномен экономики через призмы разных наук?

Мы увидим себя – такими, какие мы есть. Ленивыми. Дерзновенными. Стремящимися доминировать среди себе подобных. Упрямыми. Нетерпеливыми. Хитрыми... В общем, нормальными млекопитающими с обычной животной психологией и животной моралью. Этология, как наука, изучающая генетически обусловленное поведение животных (включая человека), рисует нам вполне однозначную картину стадных взаимоотношений. И никакой другой экономики, кроме существующей, приматы создать не могли.

Физика даст нам ответ на вопрос, почему экономикой нельзя управлять и отчего ее невозможно планировать... А история покажет, в какой момент и почему возник этот странный миф – будто экономикой можно управлять. Увы! Мы не управляем экономикой, мы ее, поэтично говоря, выдыхаем из себя – каждую минуту своей непредсказуемой жизни. Можно ли просчитать сливающееся в общую атмосферу дыхание каждого?

А если без поэзии, то вряд ли найдется идиот, который всерьез заявил бы, что историю человечества со всеми ее искрометными изгибами можно (было бы) предсказать. Скорее, все разумные граждане согласятся, что история – штука непредсказуемая. Попробуй-ка предскажи если не за тысячу, то хотя бы за 10 лет эпоху Наполеоновских войн! А если один из солдат в одной из битв недовернет оружие на долю миллиметра из-за того, что под пушечное колесо попадет камешек, и в результате к концу полета траектория ядра уйдет на метры или десяток метров в сторону, в результате чего юному лейтенанту Бонапарту оторвет голову или он получит смертельное осколочное? Случись такое, история пошла бы совсем по-другому!.. И это понятно каждому. Так почему же до сих пор находятся люди, которые считают, что можно предсказать (спланировать) экономику, из которой во многом вытекает история?

Часть 1

Экономика и свобода

Простота хуже воровства

Человек состоит из клеток. Их у него триллионы. Они все разные, у них узкая специализация. Это целое государство клеток! У всех «граждан» свои интересы, цели и задачи. Какие-то клетки трудятся над расщеплением и всасыванием пищи, то есть работают кишечником, они поставляют в организм строительный материал и энергию. Какие-то корячатся на очистительно-обогащительной фабрике по имени Печень. Кто-то из «транспортного цеха» – эти клетки по имени эритроциты занимаются доставкой кислорода. Клетки поджелудочной железы производят реагенты для переваривания пищи. Другие неустанно днем и ночью трудятся кардиомиоцитами, то есть клетками сердца, они обеспечивают нужное давление для транспортировки веществ по трубам кровяного русла, а само кровяное русло сделано из других клеток – клеток сосудов. Есть клетки скелетных мышц, они обеспечивают локомоцию, то есть движение самого тела и движение внутри тела (например, перистальтику кишечника). Есть клетки кожи, защищающие нас от внешней среды. Есть клетки «службы безопасности», безжалостно расправляющиеся с врагами – микробами. Существуют «связисты», обеспечивающие прохождение команд на исполнение, – это нервные клетки. Они же обеспечивают мышление... В общем, тьма-тьмущая разных функций и специализаций.

То ли дело одноклеточные! Они безгрешны! И у них полный универсализм. Если ты какая-нибудь инфузория-туфелька, живущая в пруду, или любой другой одноклеточный самостоятельный организм, нет у тебя никакой специализации. Ты живешь сам для себя, сам себе и швец, и жнец, и на дуде игрец. Как дикарь с копьем в саванне или в джунглях. Он сам себе и лук может сделать, и стрелы, и каменный топор, и пищу добыть, и огонь разжечь, и еду приготовить, и юбочку из пальмовых листьев соорудить. На все руки мастер! Универсальный специалист! Все умеет. Дикари живут в режиме натурального хозяйства: сам сделал – сам использовал. Никаких обменных процессов. Никаких специализаций, никакого сосредоточения на одной конкретной деятельности – гончара или программиста.

Чем не жизнь? И в чем принципиальное отличие между жизнью специализированной и универсалистской?

В сложности! И, несмотря на то, что одна-единственная клетка устроена сложнее, чем любые механизмы, когда-либо созданные человеком, одноклеточные именуются в биологии простейшими – чисто по сравнению с многоклеточными созданиями, сложность коих на много порядков превышает «простоту» одноклеточных. Сложность же системы определяется количеством существующих в системе взаимосвязей. А одним из признаков сложности является специализация единиц, из которых организм построен.

В обществе то же самое. У туземцев из дикого племени практически нет никакой специализации, они универсальны – дикарь все умеет, чтобы обеспечить свой примитивный уровень жизни. А чего не умеет, ему и не надо. Автомобиль он построить не может, но ему машина и не нужна – дорог все равно нет... Но чем сложнее социальный организм, тем больше в нем специализация единиц, из которых он состоит. Кто-то автомобильный конструктор. А кто-то бухгалтер на заводе, где делают автомобильные стекла. А кто-то производит резину или металл для автомобиля. А кто-то работает журналистом в автомобильном издании и оценивает новые модели. А кто-то стрижет журналиста. А кто-то производит одну из деталей аквалампа, в кото-

ром будет нырять во время отпуска профессор, который учит в институте сына этого парикмахера. Сотни, тысячи специальностей у людей в современном обществе, словно у клеток в организме! Если не больше. И все взаимосвязаны.

Взаимное совместное согласованное функционирование клеток в теле называется жизнью. Жизнь – это способ существования белковых тел.

А как называется совместное взаимосогласованное функционирование людей в обществе? Иначе говоря, как называется способ существования социального организма?

Он называется экономикой. Экономика – это способ жизни общества.

Считается, что дикари простодушны, наивны и безгрешны, аки Адам с Евой, которые голыми блукали по Раю и являлись как раз теми самыми дикарями. У них не было одежды и экономики. А вот когда людей стало много, взаимосвязи между ними усложнились до цивилизации, простодушная безгрешность исчезла, сменившись грехами, хитростями, обманом, изобретениями, открытиями, величайшими взлетами духа и величайшими преступлениями... в общем, возникла экономика, как способ жизни цивилизации, как способ взаимодействия многих людей. И слава богу! Все лучше, чем голяком бегать. Ибо именно цивилизация дала нам трусы, антибиотики и стиральные машины, с помощью которых мы начали стирать трусы. Разве не прекрасно?

Инстинктивная база экономики

Неоднократно ученые вида *homo sapiens* ставили разные хитрые эксперименты с «параллельными» видами, то есть, попросту говоря, изучали обезьян. Обезьяны, как вы понимаете, это даже не безгрешные дикари, совершенно не испорченные цивилизацией, это вообще «добезгрешные» создания. И опыты ученые над ними любят ставить как раз потому, что приматы – наши ближайшие генетические родственники, соответственно врожденные программы у них и у нас одинаково обезьяньи.

Так вот, проводились разные эксперименты по внедрению в жизнь обезьян денег, как главной приметы экономики. Причем на достаточно примитивных хвостатых созданиях изучались весьма сложные вещи – например, действие теории цен, а также механизмы избегания убытков. Это все исследовалось и на умных человекообразных, и на довольно глупых обезьянах вида *Cebus apella*. Цебус апелла – капуцины с небольшими головками, от которых трудно ожидать эйнштейновских прорывов ума. Тем не менее, эксперименты показали, что поведение этих приматов похоже на поведение людей в аналогичных ситуациях. Иными словами, наше с вами экономическое поведение основано на животных программах. Многие справедливо полагают, что экономика, по большому счету, есть всего лишь раздел психологии. Так вот, правильное ее было бы назвать разделом зоопсихологии.

Теперь о самих экспериментах...

Опыты с капуцинами проводились в США. Капуцинов приучили к деньгам, роль которых исполняли пластмассовые кружочки. На них можно было купить яблоки, виноград или желе – список предлагаемых товаров приводится в порядке повышения сладости, то есть привлекательности.

Понятно, что, если все три товара стоят одинаково, покупатели будут покупать на свои деньги только самое лучшее, капуцины так и поступали – брали желе. Дураков-то нет!.. Но когда ученые резко повысили цены на желе, наиболее бережливые капуцины задумались своими маленькими головками и решили, что хватит с них и более дешевых яблок. Это было вполне рациональным надчеловеческим поведением. Нет сомнений, что таким образом повели бы себя все более-менее разумные существа любого вида на любой планете, способные к обмену, у которых хватает ума, чтобы проследить связь между монетой и товаром.

Но наиболее интересные результаты были получены в опытах с экономическими рисками – обезьян ставили в ситуацию, когда они могли либо выиграть, либо проиграть еду. И здесь они уже показали иррациональную сущность мелких приматов, которая в равной степени присуща и крупным приматам – людям, действующим в экономической реальности жизни. Что и придает экономике ее непредсказуемую животность.

Итак, обезьянке показывают виноградину, а потом подбрасывают монету. Орел – обезьяна получает виноградину. Решка... Нет, не угадали! В этом случае обезьяна получает целых две виноградины! Таков был первый вариант игры. Второй вариант заключался в следующем – капуцинчику сначала показывали две виноградины. А затем в зависимости от того, как упала монета, либо давали обезьяне две виноградины, либо одну. Нетрудно заметить, имея могучий интеллект хомо сапиенса, что оба варианта игры абсолютно идентичны по результату – обезьянка получает либо одну ягоду, либо две.

Но!

Обезьянки почему-то предпочитали первую игру, несмотря на одинаковость. Почему? Потому что в первой игре, видя одну ягодку, она могла получить две, как бы выиграв еще одну ягодку. А во втором случае, видя две ягоды, она могла получить одну, как бы проиграв вторую ягоду. То есть то, что увидел глаз, мозг подсознательно уже присвоил. А разочарований мозг не любит! Он любит приятные неожиданности! И сладкое.

Психологам (человечьим) этот обезьяний эффект хорошо известен: люди больше стремятся не потерять, нежели приобрести. И даже в ситуации, когда результат один, наш мозг часто избирает «охранительную» стратегию поведения. В дальнейшем мы с этим феноменом еще столкнемся...

Экспериментов с введением денег в обезьянью стаю в разных странах было сделано множество, и все они показали глубокие животные корни как иррациональных решений в экономике, так и рациональных. Вообще, отвлекаясь от темы, заметим, что рацию – вовсе не принадлежность разума и мозга, безмозглая природа путем эволюционного перебора умеет находить рациональные решения самых разных проблем...

Таким образом, экономика не порождает, но ярко высвечивала в обезьяньей стае те черты, которые носителям экономики были имманентно присущи. Кто-то из обезьяньей стаи оказывался трудягой и накопителем, кто-то транжирой, кто-то лентяем, кто-то вором, грабителем и разбойником, норовящим отнять у других заработанные нелегким трудом денежки. Как именно заработанные?... Ну, например, деньги можно было заработать, качая рычаг с определенным усилием. И поскольку приматы, как и все нормальные существа, ленивы (это всего лишь следствие общефизических законов сохранения на уровне биологии), работать их мог заставить только сильный стимул, личный корыстный интерес: за работу давали деньги, которые представляли собой ценность – за них можно было купить у людей разные вкусности и интересности.

Интересно, что обезьяны, почувствовавшие вкус денег, открыли для себя проституцию, то есть секс за деньги. А также пустили деньги в обменный оборот внутри стаи.

Еще интереснее, что обезьян научили «играть на бирже», то есть делать высокорискованные и низкорискованные ставки. Обезьяне на экране компьютера показывали на пару секунд шесть картинок. Их нужно было запомнить. А потом следовало собственно задание – примату показывали восемь новых картинок, среди которых была одна из тех, что мелькнули ранее. Если обезьяна угадывала, какая картинка повторилась, ее вознаграждали. Причем при ответе обезьяна могла сделать ставку – перед выбором ответа нажать одну из двух кнопок, обозначающих высокий риск и низкий риск.

Если обезьяна выбирала ставку с высоким риском и угадывала, то получала три монеты, а в случае неудачи – ничего. В варианте же низкой ставки при любом ответе – и правильном, и неправильном – она зарабатывала только одну монету просто за старания.

Так вот, если обезьяна была уверена в ответе, то есть в том, что точно запомнила картинку, она делала высокорискованную ставку. Если же в ответе сомневалась – низкорискованную. Вполне разумное экономическое поведение, как видите.

В общем, все повадки, закладывающие рыночные отношения (экономическое поведение), в нас заложены конструктивно. Соответственно, любые попытки сломать конструкцию (например, стремясь к утопической идее «воспитания нового человека», чем грешили леваки разных стран) являют собой задачу, по сложности на порядки превышающую возможности того примитивного инструментария, которым ее пытались решить (пропаганда, концентрационные лагеря и расстрелы) – тут только гениальная инженерия могла бы помочь, да и то вряд ли, ведь ресурсы ограничены, а люди хотят жить, причем жить хорошо. А что значит жить хорошо? Как узнать, хорошо ты живешь или плохо? Все познается в сравнении! Если лучше большинства окружающих, значит, хорошо; если хуже – значит, плохо. Отсюда неравенство. Отсюда соревнование за ограниченные ресурсы – которое проявится через несколько поколений даже у генетически модифицированных созданий, подправив в борьбе за выживание альтруистическую генную коррекцию рубанком естественного отбора.

Цивилизация побеждает культуру

Жил да был мужичок во Франции. Звали его Фернан Бродель.

Мужичок Фернан работал историком, писал книги, сидел в немецком концлагере, где ужасно страдал – это же концлагерь! – поскольку немцы не заставляли французских офицеров работать, Фернан писал в лагере диссертацию, пользуясь книгами из библиотеки местного университета, а также читал лекции другим мающимся от безделья пленным: немецкое командование разрешило Броделю открыть для просвещения узников «тюремный университет». Причем простые охранники уважительно называли Броделя «господин ректор». Спешить было некуда, оттого диссертация Броделя насчитывала более полутора тысяч страниц. Это была своего рода «болдинская осень» для историка!

Книги Броделя нынче весьма популярны у рафинированной публики, потому что Бродель избрал очень неожиданный, но правильный взгляд на историю – с высоты птичьего полета. До Броделя история была как бы игрушечной, похожей на детский комикс – историки увлеченно рассматривали единичные события и двигали исторические фигурки, пытаясь реконструировать ход событий и мотивы персонажей. Разные короли, политики и завоеватели творили свои великие деяния, и именно это в первую очередь изучалось. Народ же был немым статистом, безымянной и неразличимой серой массой, навозом истории.

Бродель воспарил над исторической равниной, и с этой высоты царьки и корольки с их эскападами и войнушками стали мелкими, и их всплески и флуктуации растворились, их затопило нечто такое, чего раньше никто не замечал – экономика. Броуновская толкотня ежесекундных торговых операций, совершаемых из века в век, как оказалось, образовывала неразрывную материальную ткань истории, на которой великие люди были лишь блесками, а войнушки – рисунками на одеяле.

Экономика растворила историю. Она формировала историю и, по сути, была ею – вне зависимости от нарисованных поверх мелких событийных узоров. Неожиданно для самого себя, описывая большие куски истории («длинное время» или «время большой продолжительности»), Бродель был вынужден перейти на язык экономики, чтобы хоть что-то понимать, – словно физик, начавший описывать непривычный пласт бытия, вынужден переходить на иной математический аппарат, соответствующий этому уровню рассмотрения.

Правда, сам Бродель, будучи чистым историком, похоже, не до конца осознавал свое открытие-наблюдение, потому что писал, принижая сам себя: «Экономическая история мира – это история всего мира, но увиденная только из одного наблюдательного пункта, а именно с точки зрения экономики. Избрать эту точку зрения – значит с самого начала воспользоваться односторонней и опасной формой объяснения». Отчасти он был прав. Конечно же, история – это не только экономика, потому что в истории действуют и личности, являясь в переломные ее моменты своего рода флуктуациями в точках бифуркации и наворачивая вокруг себя грандиозные события, типа тех же Наполеоновских войн, так и названных в честь своего «автора». Но на больших кусках ход исторических событий, плывущих по экономической реке прогресса, сглаживает последствия этих флуктуаций.

В основе истории цивилизации лежит технический прогресс, который, меняя нравы и миропонимание людей, изменял и фарватер, направление больших событий. Изменял историю. Тем не менее, большие куски времени оказались весьма устойчивыми историческими «льдинами». Точнее, не льдинами, а живыми псевдостационарными образованиями – потоками или вихрями, которые самоподдерживались и делали это как раз за счет экономики.

Задолго до Броделя швейцарский экономист Жан Шарль Сисмонди, переживший эпоху Наполеоновских войн, метко заметил: «Человеческий род или часть его, которая занята торговлей, не является ничем иным, как рынком». Какой молодец!

По сути, и Сисмонди, и Бродель дудели в одну дуду. Бродель отметил, что цивилизация/экономика/рынок, раз появившись на планете, далее стремится к глобализации, охватывая собой все большее географическое пространство за счет расширения паутины торговых связей. Этот процесс оказался универсальным и существовал во все времена истории, а не только сегодня, когда все кричат о глобализации и возникли даже разные течения антиглобалистов, как когда-то возникло течение луддитов – ломателей машин, лишавших работяг работы. Ровно точно так же, медленно расплываясь по планете, ведет себя и жизнь – раз возникнув, она постепенно овладела некогда стерильной планетой. Экспансия вообще характерна для разных форм жизни, а экономика – форма жизни...

Одно из своих открытий Бродель сформулировал так: «...обычное правило заключается в том, что цивилизации выигрывают игру. Они одерживают верх над культурами, над первобытными народами... Культура – это цивилизация, которая не достигла своей зрелости».

Как видите, он разделил культуру и цивилизацию, поставив цивилизацию выше культуры. И снова оказался прав! Потому что культура во многом предрассудочна, а цивилизация универсальна. Давайте с этим разберемся...

Цивилизация, по Броделю, – это железная поступь прогресса. А культура, которая этой поступью разрушается, является ничем иным, как местечковыми деревенскими обычаями населения, носящими, скажем так, этнографический характер. Причем в эту «этнографию» можно включить не только платье и национальную одежду, но и мелкие языки, которые исчезают, смываемые волной большого языка – имперского или языка международного общения.

Нивелирующее наступление цивилизации на деревенскую культуру и называется процессом глобализации. Многим отчего-то растворяемую местечковую культуру становится жалко, в результате возникают упомянутые нами выше антиглобалистские течения, которые, по сути, являются антицивилизационными и «противоэкономическими» сектами.

Что же такое культура по сути своей? Привычка!..

Люди привыкли поступать так-то и так-то – как деды их и прадеды поступали. Например, взять да под покровом ночи намазать ворота дегтем в чужом доме. Когда-то в русских деревнях считалось, что, если кому-то ворота дегтем намазали, значит, сильно опозорили живущую за воротами девицу, указав на аморальное поведение оной. Сейчас, в современном городе двери дегтем не мажут – во-первых, попробуй еще найди деготь, во-вторых, изменилась сама мораль. Потому что прогресс цивилизации размывает диковатые деревенские нравы, как часть диковато-агрессивной деревенской культуры.

Ну, или, например, сплясать вприсядку, подпоясавшись кушаком, – это тоже деревенская культура. И она тоже размывается. Сейчас никто вприсядку не пляшет и кушаком не подпоясывается, кроме специально обученных людей, которые делают это на сцене, чтобы потешить публику...

А вот еще прекрасный пример традиционной культуры – забить человека камнями до смерти за «неправильное» поведение. Такое в самых отсталых районах мира до сих пор еще практикуется. Например, прошла девушка за ручку с каким-то парнем по улице, а местная традиция это строго-настрого запрещает. Как результат – страшное наказание.

На место всей этой вековой дикости приходит глобализация, то есть мировая универсальная культура, городская по сути своей – не такая жесткая, не такая жестокая, очень толерантная (то есть терпимая и спокойная), гуманная, мягкая, прощающая человеческие слабости – и начинает горячим потоком цивилизации мощно размывать угловатые и суровые куски национального деревенского рафинада. И, что любопытно, так было во все эпохи глобалистического наступления Города на Деревню или, что то же самое – развитого Центра на отсталую Периферию. Цивилизации на Культуру.

Людам с узким мышлением кажется, что это плохо. Что они теряют какие-то милые особенности. И действительно, в городах уже никто не ходит в цветастых национальных одеждах, а носят международные костюмы или футболки, джинсы, кроссовки. Никто не пляшет вприпрыжку. Обычаи и формы национального поведения не соблюдаются, а нивелируются до примерно единого международного стандарта, никому больше не мажут двери дегтем, не посылают сватов к невесте, не забивают камнями, и вообще, кажется, всем на всех наплевать, что деревенскому сознанию представляется обидным, непривычным и неудобным. Оно в большом городе чувствует себя по-сиротски. Хорошо бы кого-нибудь убить за оскорбление чувств верующих в культуру!

Однако наступление городской экономической культуры на полудику деревенскую культуру натурального хозяйства в рамках всей планеты – это объективный исторический процесс, который начался тысячи лет тому назад и продолжается по сию пору, о чем мы ниже и поговорим.

А пока уточним: большой город, мегаполис – это сама цивилизация и есть, ее наилучшее воплощение. Можно еще сказать, что город производит цивилизацию. А деревня производит еду. Когда-то давным-давно вся планета была одной сплошной деревней, точнее, пестрым мозаичным множеством разнотрурных деревень, племен, этносов и народностей. Люди в разных местах планеты жили традиционным укладом в соответствии с племенными обычаями и географическими условиями. А сейчас планета все больше становится одним глобальным городом, где люди живут нетрадиционной, более-менее стандартной жизнью: ходят в кафе и в офисы на работу, едят пиццу – уже не национальную итальянскую еду, а пиццу, давно ставшую интернациональной, – смотрят одинаковое американское кино, на компьютерах у всех стоит один и тот же Windows, ездят они не в национальных конных повозках, а на автомобилях международных концернов. Большой город интернационален, то есть внационален! Он спокойно вмещает и растворяет множество разных культур, перемешивая их до усредненного состояния и превращая в «пиццу», в сувенир.

Сильно помогает размывать, уравнивать и усреднять национальные культуры интернет, то есть глобальный трансграничный информационный обмен. Глобализация – это и есть мировой охват! Информация, финансовые потоки и товары современного мира свободно пересекают границы стран. Нам сейчас кажется, что это все – примета современности. Но так было и тысячи лет назад (кроме интернета, естественно). Экономика бурно росла и всегда стремилась соединить и «обезграничить» мир настолько, насколько позволяли тогдашние системы связи и тогдашний транспорт. Ведь глобализация – естественное следствие развития экономики.

Об этом и поговорим...

Экономика против насилия

Чуть выше было сказано, что города производят цивилизацию, а сельский труд производит еду. Испокон веков, еще до всяких государств, до экономики, до цивилизации, когда люди жили племенами, как дикари, они умели добывать еду. Это дело нехитрое. Даже животные добывают себе еду. Как же наша дикая полуживотная жизнь постепенно перетекла сначала в культуру, а потом в цивилизацию? Через что?

Через обменные процессы, которые составляют суть экономики.

Иногда кажется, что применение орудий труда было первым шагом к очеловечиванию обезьяны, то есть к цивилизации. Данная точка зрения – о том, что труд создал человека – была модной в позапрошлом веке и даже послужила толчком для появления в экономике разных трудовых теорий (марксизм, например). Но это не так. Животные тоже порой применяют орудия труда, используя для этого подходящие предметы, и даже иногда сами производят орудия труда, обламывая и заостряя подходящие палки, например. Но никакой цивилизации у них нет!

Цивилизация начинается с экономики, то есть с обменных процессов.

Ты мне – я тебе. Я тебе банан, а ты мне камушек красивый. Эти первичные обменные процессы – то зерно, из которого потом вырастает большая экономика.

Причем, что интересно, меняются предметами или услугами в стае только равные особи, то есть стоящие в стадной иерархии примерно на одной ступени. Вожак или любая другая доминантная особь, скорее, отнимет у нижестоящего члена своей стаи то, что ему нужно. Потому что он сильнее! А равным приходится меняться. То есть экономика – это обмен между равными, она от природы демократична.

И гуманна.

Мы видим, что в мире существует два основных способа получить от кого-то желаемое – отнять и выменять. Применить насилие или сделать это на добровольных началах. Первый способ – война. Второй – торговля. Что гуманнее? Понятно, что насилие – менее гуманная и цивилизованная вещь, чем добровольный обмен по согласию. Поэтому именно экономика и технический прогресс лежат в основе гуманизма, развивают мягкость нравов. Как сказал кто-то из философов, ценность человека впервые была открыта рабовладельцами. Это парадоксальная фраза. Мы привыкли плохо относиться к рабству. Мы привыкли к мысли о том, что человек рождается свободным, и никто не может принудить его делать что-то против его воли. Но эти вольные мысли, которые кажутся нам естественными, – всего лишь следствие технического прогресса, развития экономики и вытекающей отсюда гуманизации мировоззрения. А когда-то рабство было естественным. И даже прогрессивным! Потому что до эпохи рабства во время племенных войн пленных вообще не брали и в рабов не обращали – их просто убивали. И иногда даже ели, как дичь. Потому как в те времена еще не было развитых орудий труда, технологии были примитивны, соответственно с их помощью каждый человек мог добыть себе продукции едва на прокорм. В таких условиях рабство было просто бессмысленным: сколько раб наработал, столько примерно и съел, а его ведь еще контролировать надо и орудиями обеспечить!

И лишь когда технический прогресс дал людям такие орудия труда и такие технологии взаимодействия с природой, которые позволили получать избыточный продукт, коего хватало не только на собственный прокорм одного трудящегося, а и лишку оставалось, вот тогда этот избыток стало можно отнимать и присваивать. Так рабство обрело экономический смысл. А убийство пленных смысл потеряло. Раб стал не обузой, а ценностью сам по себе. Поэтому и говорят, что ценность человека была впервые открыта рабовладельцами. В этом плюс рабства.

А в чем минусы рабства? А в том, что раб выключен из экономики. Он – вещь. Инструмент. Живое орудие труда, которое не зарабатывает себе деньги и не тратит их. Вместо него и

с его помощью зарабатывает и тратит хозяин... Если у нас есть некое условное сообщество из двухсот человек, где, например, двое хозяев, а остальные – рабы, то есть попросту представляют собой хозяйские вещи такие же, как серп, кувшин или жернов, то вот вам и вся экономика – из двух человек. Маленькая очень! Только двое могут меняться друг с другом товарами. А если бы все эти люди из нашего примера были свободными и сами для себя зарабатывали деньги, то есть сами придумывали и находили себе занятия, нужные для остальных, чтобы менять результаты своего труда на результаты чужого труда, если бы они все тратили заработанные деньги на свои желания, то в экономическую деятельность были бы включены все эти 200 человек. Сравните сами, какая экономика больше – экономика из двух обменивающихся или из двухсот? Где вращается и реализуется больше денег, товаров, желаний, возможностей, новых идей?

В общем, основная беда рабовладельческой экономики состоит в том, что раб из экономики выключен, то есть не заинтересован в результатах своего труда: все равно все отнимет хозяин. Именно поэтому рабовладельческий строй был переходным, то есть он был шагом от тотальных убийств чужаков – через лишение их свободы, но оставление в живых, – к свободному миру. К миру свободных людей, каждый из которых волен действовать в экономике, то есть участвовать в общественно полезной деятельности ради своих личных интересов. Главный парадокс здоровой экономики в том и состоит, что человек ради своих шкурных интересов вынужден работать на благо всех, иначе результат его труда будет никому не нужен, его никто не купит, и лентяй останется без денег. А денег-то каждому хочется! И потому человек вынужден вкалывать – хоть и ради себя, но обеспечивая при этом интересы других. Экономика сначала «отменила» убийства, потом дала рабам свободу, чтобы расширить рынок.

А что такое вообще рынок? Рынок – это второе имя народа. Если ты выходишь на рынок со своим товаром, это значит, что ты его предлагаешь людям. То есть люди, которые готовы покупать и продавать, составляют рынок в широком смысле этого слова. А в узком смысле слова рынок – это просто место, где горожане собираются специально с целью что-то купить или продать. Рынок в узком смысле можно назвать сердцем городской цивилизации.

Почему?

Да потому что, как мы выяснили, именно города производят цивилизацию (то есть изобретения, книги, искусство, технологии, новые смыслы), а все города мира у всех народов во все времена начинались с чего? С центральной площади!.. Вы никогда не задумывались, зачем вообще в городах существуют площади? Ну, улицы и проспекты, бульвары и переулки, это понятно. Любая улица – просто дорога с двумя рядами домов, чтобы можно было между домами проехать. А зачем нужны уширения в виде площадей? Они ведь отнимают драгоценное место, где можно было построить дома! Однако в каждом городе есть за чем-то площади... Это бывшие места для рынков. Рыночные площади. И Красная площадь в Москве – бывшая рыночная площадь. И знаменитый Римский форум, где решались политические вопросы, – всего лишь рынок изначально.

То есть с рынков, с мест обмена начинались города. Рынки были центрами притяжения, главными местами городов. Зернами цивилизации.

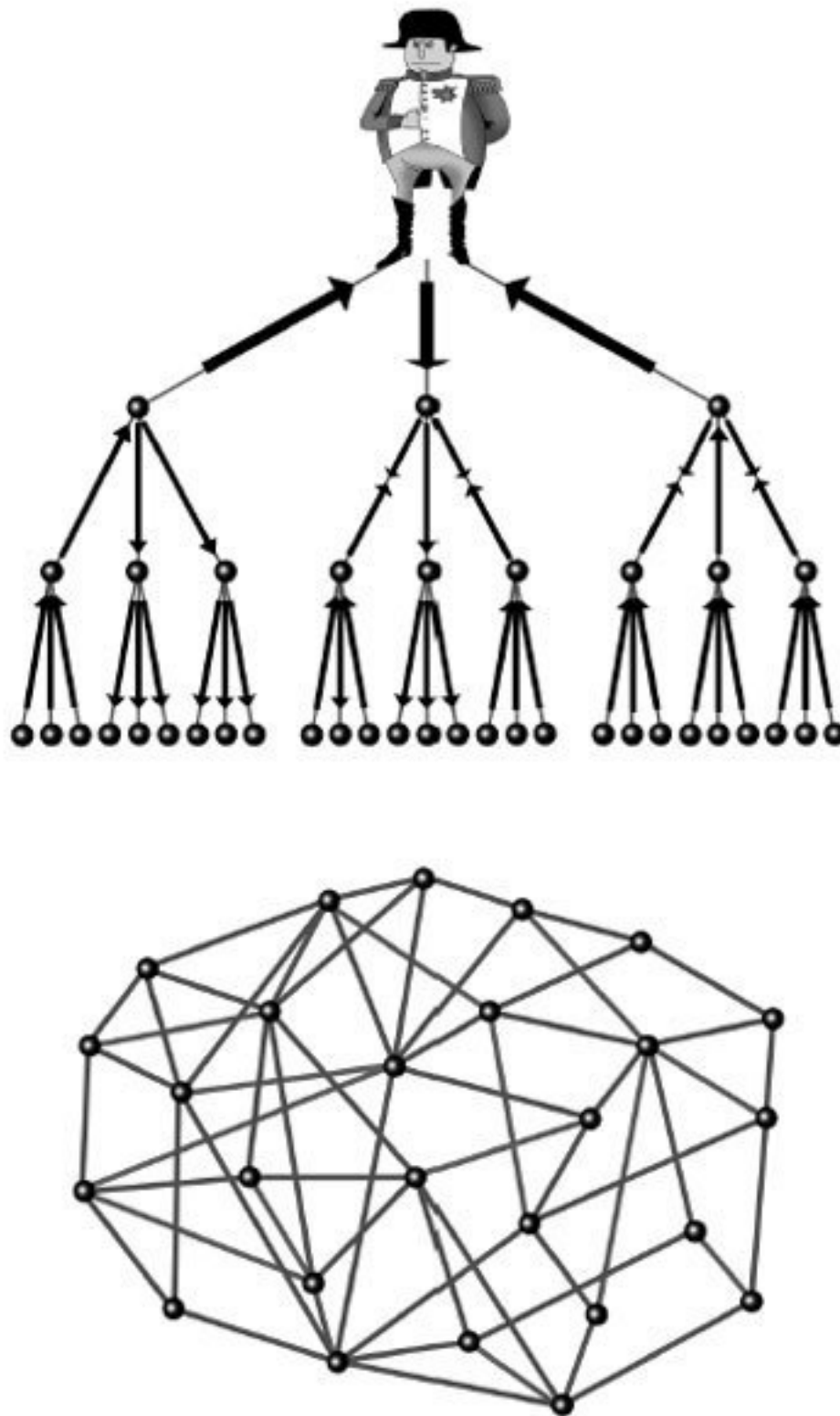
Кстати, о зернах...

Выше я назвал зерном будущей экономики способность обезьян, коими мы являемся, к обмену. При этом мы видим, что экономика началась «в середине стаи» – там, где общаются равные (более сильные, стоящие выше в стадной иерархии, могут просто отнять). Так вот, вертикальные отношения подчинения, то есть общение сильных со слабыми, называются иерархическим общением. А горизонтальное общение равным с равными, когда отнять или приказывать невозможно и приходится договариваться – это общение сетевое. Вам какое больше нравится? Под начальство прогибаться или с коллегой беседовать? Современный мир становится все более сетевым, демократическим, и все менее иерархическим, то есть сетевые структуры и

сетевое общение в нем вытесняет общение насильственно-приказное по принципу «начальник – подчиненный».

Сетевое общество умнее. Потому как для того, чтобы приказать, много ума не надо. А вот для того, чтобы убедить, договориться, нужно искать аргументы, налаживать взаимодействие, спорить, доказывать, понимать чужую точку зрения. Одной из величайших древних цивилизаций, мощное сияние которой светило человечеству сквозь века, была цивилизация Древнего Рима. Причем не имперского, иерархического Рима (каким он стал позже), а раннего, республиканского Рима, то есть демократического государства, где не было царя, а была система управления в виде римского сената, принимавшего законы и состоявшего из равных, что вызвало к жизни искусство риторики, сложную речь, логику, породило суд и адвокатуру, многопартийную политику и вовлеченность в политическую жизнь всего гражданского общества, поскольку политические партии пытались убедить своими аргументами избирателей принять то или иное решение.

Иными словами, цивилизация, экономика, торговля и гуманизм (который позволяет увидеть в другом существе человека со своими интересами, а не объект твоего воздействия) – это вещи, стоящие рядом, бок о бок. И растущие вместе. Развивающаяся в результате технического прогресса экономика порождает гуманизм так же неизбежно, как растущая на дереве ветка порождает нежные ярко-зеленые листочки.

На рисунке схематически показаны иерархическая структура построения системы и сетевая структура. Отличия видны с первого взгляда!.. Чистая иерархия – это когда во главе один вожак, и сверху вниз идут приказы, а снизу вверх – отчеты о выполнении. Сеть – когда нет никакого вожака, а вместо приказов идет диалог и обмен информацией

Многие наивно полагают, интуитивно придерживаясь трудовой теории, что в основе экономики лежит производство. Сделал что-нибудь и обменял на сделанное кем-то другим. Поменял результат своего труда на результат чужого.

Это неверная теория, как уже говорилось. Точнее неполная.

Потому что первичен не труд. А обмен как таковой. То есть важнее не производство, а торговля. Ведь можно меняться и не имея никакого производства вовсе! И не работая ничуть. Я нашел яйцо в гнезде и поменял на услугу – ты у меня вшей поищешь. Это уже обмен, социальная коммуникация. При этом никакого производства еще нет, все происходит на уровне стадных отношений. Развивая и усложняя эти самые отношения.

Запомним: торговля важнее производства. Первичнее.

Там, где развивалась торговля, развивалась и цивилизация. Потому что торговые караваны везли с собой, помимо товаров, новые технологии, новые знания и навыки, алфавитный принцип, арабские цифры, новую математику... Там, где множились рынки – там всегда было процветание, расцвет искусств, наук и ремесел. А там, где торговые пути по разным причинам сокращались, человечество вступало в темные полосы своей истории. Трагичные. Ведь у человечества есть только два режима, в которых оно существует, – люди или воюют, или торгуют.

Экономика или смерть!

Глобализация в каменном веке и древнем мире

Каменный век представляется нам совершеннейшей дикостью и древностью. Эпоха, когда люди еще не знали металла, когда не было государств и городов, а лишь племена и поселения – да к ней даже слово «история» неприменимо! Потому ее и называют доисторическим периодом развития! История – это цари, битвы, государства, письменность какая-никакая. А в каменном веке ничего как бы и не происходило. Просто жили диковатые люди, постепенно заполняя собой планету, охотились, сеяли... Но это не совсем верное представление.

Уже тогда была «международная» торговля. Восемь тысяч лет назад люди, живущие рядом с месторождениями обсидиана (вулканическое стекло, из которого получают острые ножи), торговали этим обсидианом со всей тогдашней ойкуменой. Установлено, что обсидиан из двух месторождений на территории Армении доставлялся аж в Месопотамию, то есть в район Тигра и Евфрата. Если вы посмотрите на карту, то увидите, что расстояние там немалое! То есть уже в каменном веке люди организовывали целые торговые экспедиции, которые доставляли товар за сотни километров.

Причем грузооборот был весьма приличным! Вы можете себе представить, сколько всяких орудий нужно людям – ножи, топоры, серпы, теслы (плотницкий инструмент для долбления бревен)... Все это делалось из камня или обсидиана, а обсидиан, как всякое стекло, хрупок. Был у тебя ножик хороший и острый, уронил ты его неудачно, и нету у тебя больше ножика – разбился. То есть материала нужно не просто много, а с запасом. Так вот, раскопки показывают, что армянский обсидиан составлял 50 % всех обработанных камней на расстоянии 400 километров от месторождения. То есть добытчикам и торговцам из Армении удавалось насытить рынок так, чтобы из их материала делалась половина всех орудий на расстоянии месячного пути! Но обсидиан проникал и дальше – на расстоянии 800 км от месторождений этот материал тоже встречался и составлял 2 % от всех каменных орудий. А ведь камень – это не лебяжий пух, он тяжел и требует значительных человеческих ресурсов для транспортировки.

Но продавали не только обсидиан. Предметом обмена были готовые инструменты, скот, одежда, зерно. И шкуры диких зверей, которые добывали люди, еще не перешедшие к оседлости, то есть не занимающиеся сельским хозяйством, а ведущие совсем уж древний образ жизни охотников и собирателей. Они тоже оказались краешком втянуты в раннюю экономику, то есть меновые отношения.

Тогда же люди сообразили, что по рекам плыть проще, чем товар на горбу таскать или даже на лошади – загрузил барахло в лодку, и течение несет тебя вниз самотеком... Что же представляла собой торговая лодка каменного века? Деревянный каркас, обтянутый кожей. Причем, лодка была круглая, как таз, и выглядела довольно странно. Сплаваясь вниз, торговцы делали периодические остановки, высаживались на пологий берег или на остров возле прибрежных селений и устраивали там торг.

Если теперь перенестись из Месопотамии в Европу, там мы увидим то же самое – процветающую речную торговлю. Дорог не было, и потому главными торговыми путями служили реки. Камни с балканских каменоломен, из которых делались разного рода инструменты, археологи сейчас находят почти по всей Европе – от Черного моря до Балтийского. И одной из главных торговых «трасс» Европы был Дунай.

Протекали сотни, тысячи лет доисторического безвременья, постепенно вливаясь в цветное историческое «кино», в медно-бронзовый век с его царями, войсками, клинописью и сложной государственной жизнью. На месте тех вытопанных пятачков, где когда-то причаливали круглые лодки торговцев и где торговля шла особенно бойко (обычно это бывало на пересечении торговых путей), поселения росли, постепенно преобразовываясь сначала в маленькие, а потом и крупные города, такие, например, как Вавилон.

Древнегреческий историк Геродот так описывал этот великий город (в скобках далее по тексту – мои пояснения), прочтите внимательно:

«Вавилон находится на обширной равнине. Он построен в виде четырехугольника, каждая из его сторон равна 120 стадиям (примерно 20 километров)... город окружен глубоким, широким и полным водой ровом, затем идет стена шириной в 50 царских локтей (25 метров), а высотой в 200 (100 метров)... Наверху стены по краям возвели одноэтажные башни, стоявшие друг против друга. Между башнями оставалось пространство, достаточное для проезда четверки лошадей. В стене располагалось 100 ворот целиком из меди...

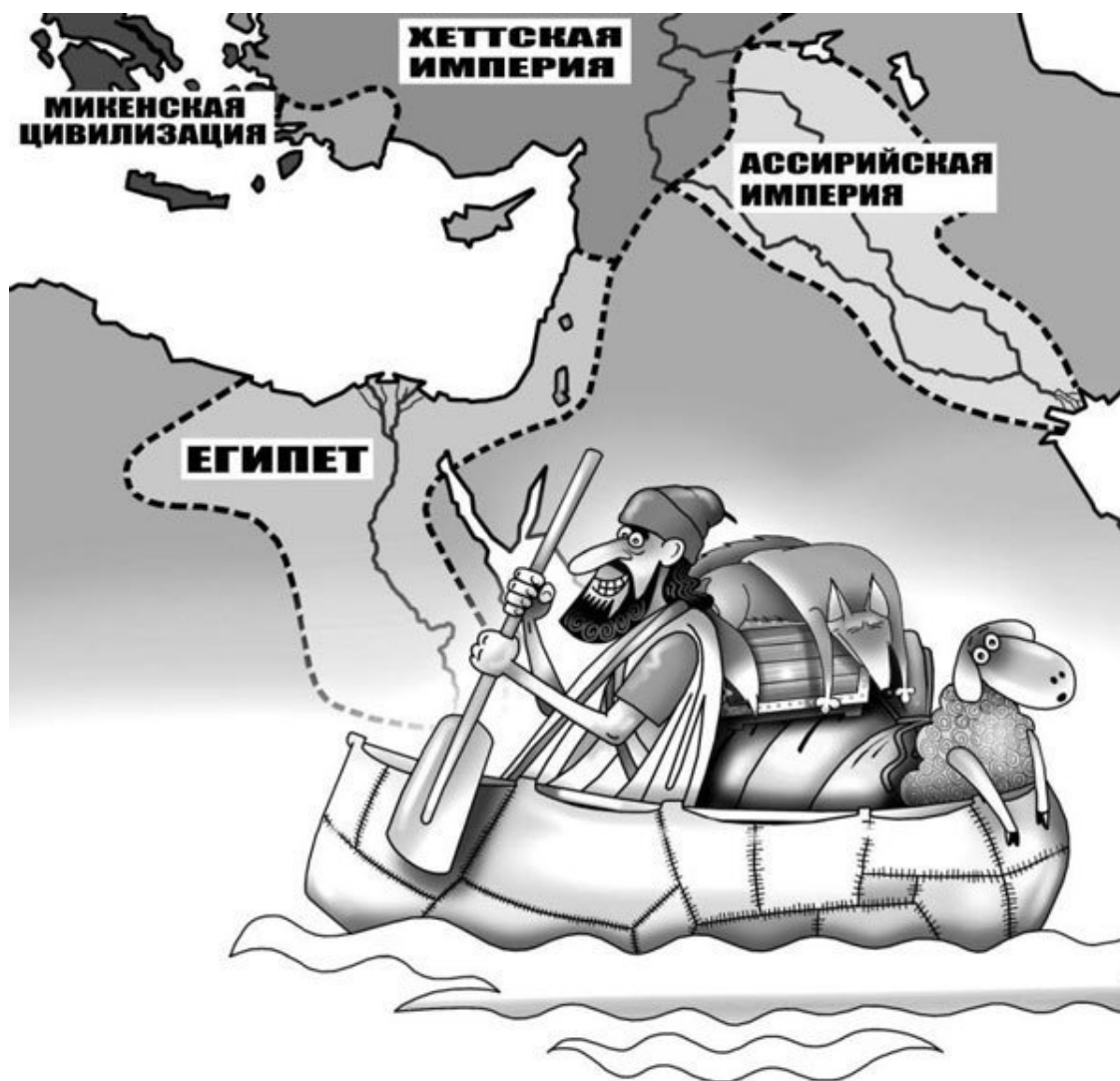
Город состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении... Город же сам состоит сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки. На каждой поперечной улице в стене вдоль реки было столько же маленьких ворот, сколько и самих улиц. Ворота эти были также медные и вели к самой реке. Эта внешняя стена является как бы панцирем города. Вторая же стена идет внутри...

Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще... святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоят большой золотой стол, скамейка для ног и трон – также золотые. По словам халдеев, на изготовление (всех этих вещей) пошло 800 талантов золота (более 20 тонн)».

Не правда ли, все это монументальное великолепие уже ничуть не напоминает «деревенский» каменный век? Кстати, автор вышеприведенного описания – грек, как уже было сказано. И если вы посмотрите на карту, то увидите, что от реки Евфрат, на которой стоял Вавилон, до Греции далековато! Но связи были налажены, и торговля между регионами шла вовсю. Вместе с торговым караваном в Вавилон и прибыл автор цитаты.

А какие же лодки, приплывающие из Армении по Евфрату, увидел Геродот в Вавилоне? Да практически те же самые – круглые каркасные «тазики», обтянутые шкурами, которые, правда, перевозили теперь уже не обсидиан, а вино в бочках из пальмового дерева.

А ведь в эти времена уже были дороги! И вполне приличные, каменные. Вавилонское царство строило их, повышая свою связность. То есть часть товаров везлась не только на лошадях, но и на телегах, запряженных лошадьми. Однако водный транспорт все равно оставался самым дешевым. Сохранились подсчеты античных купцов, из которых следовало, что доставка товаров по воде обходилась им в десять раз дешевле, чем по суше – на лошадях или верблюдах. И сегодня, кстати, водный транспорт тоже наиболее дешевый! Морские перевозки в расчете на тонно-километр – самые выгодные из всех. Вкусы экономики, прошивающей нашу историю сквозь тысячелетия, оказались в этом смысле консервативными.

Сколько можно загрузить товара на одну вычную лошадь? Около центнера, то есть сто килограммов. Если же лошадь тянет телегу по твердой каменной вавилонской или древнеримской дороге, она может везти уже около полутора тонн груза. А если эту лошадь заставить идти вдоль берега озера или канала и тащить по стоячей воде баржу, она уволочет почти тридцать тонн! Вот почему водный транспорт дешевле – трение меньше... Ну, а если плыть по течению, то и лошадь не нужна, оно само груз тащит!

Примерно так и поступали армянские торговцы с верховьев Евфрата – вниз они плыли по течению на своих круглых баржах из шестов и шкур, а в низовьях, продав товар, разбирали лодки, деревяшки выбрасывали, шкуры грузили на ослов и отправлялись домой посуху. Там они делали новые шесты, натягивали на них шкуры, грузились и снова сплавлялись в Вавилон с товаром.

Если в каменном веке товары доставлялись за сотни километров, то в более развитые эпохи Древнего мира глобализация мировой торговли раскинула свои щупальца уже на тысячи километров, стараясь охватить торговыми связями весь заселенный мир, насколько это было возможно. При этом росла и специализация – как людей, так и целых регионов мира.

Вы только представьте себе этот древний языческий мир, еще не знавший железа! С его бронзовыми мечами и шлемами, диковинными одеждами, довольно примитивными гребными кораблями, плывущими по океанам. В силу примитивности судов морские путешествия были весьма опасными, торговые корабли постоянно разбивало штормами о прибрежные рифы, на

них нападали древние пираты, людей подстерегали неведомые болезни. Что же заставляло их пускаться в далекие плаванья, открывая и осваивая мир, изучать астрономию, как науку навигации, делать чудесные изобретения (например, навигационное оборудование)? Что заставляло людей рисковать жизнью, расставаться с семьей, отправляясь в многомесячное плавание?

Жажда наживы! Стремление заработать денег. Чтобы жить лучше. Чтобы жить комфортнее. Чтобы больше потреблять. Это великое желание больше потреблять разных товаров, украшать ими свою жизнь, вкуснее кушать, слаще спать, повышать свой статус заставляло людей терпеть неудобства, муки голода, рисковать жизнью сегодня, чтобы завтра получить свой приз.

Экономика на личностном уровне – это не только и не столько желание физически выжить (бомжи вон живут и не работают, довольствуясь малым, как древнегреческий философ Диоген, который обитал в бочке), сколько желание жить завтра лучше, чем сегодня. Потому что к хорошему быстро привыкаешь, и оно перестает радовать. Человек – существо адаптивное, ему все время хочется большего, лучшего, нового. А экономическая деятельность позволяет осуществить эти естественные запросы. Именно стремление потреблять товары и услуги двигает вперед экономику, а значит, цивилизацию. Скромность в потреблении может украсить одного, отдельно взятого бомжа, но губительна для цивилизации в целом.

Был один общественный деятель, похожий на скромнягу Диогена, который учил своих слушателей: будьте, как птички божьи, не заботьтесь о завтрашнем дне, будет день – будет пища, бог вам подаст... Это плохая идея! Потому что завтрашнее благополучие закладывается сегодня. И слава богу, что люди не живут как обезьяны или «птички божьи», то есть только сегодняшним днем, а выстраивают себе какие-то перспективы. И поскольку способ жизни цивилизации называется экономикой, перспективы эти – экономические.

Вот давайте и посмотрим на экономику Древнего мира, которая стремительно глобализировалась и специализировалась...

Во дворцах и богатых домах Месопотамии археологи нашли чаши, сделанные из больших морских раковин. Эти раковины везли сюда с берегов Индийского океана. Путь не ближний, рискованный, поэтому купить себе такие раковины могли только богатые люди. Оттого их и находят исключительно во дворцах.

А из тех мест, где были месторождения медной руды, везли в разные стороны света медные слитки, медный инструмент и украшения из меди. В Древнем мире существовали целые регионы, которые специализировались на выплавке меди. Поначалу медь была дорогой и позволить ее себе (в виде орудий или украшений) могла только знать, остальные же пользовались по старинке каменным инструментом. Но по мере расширения добычи цена меди падала. А когда изобрели бронзу (бронза – сплав меди с оловом), к глобальным товарным потокам добавились стрелки на карте мира, которые на тысячи километров протянулись от редких месторождений олова к центрам древней металлургии.

Медь – металл довольно мягкий, поэтому решающих преимуществ перед схожими каменными орудиями медные почти не имели. Но когда люди открыли бронзу, все изменилось! Бронза – твердый сплав, решительно превосходящий во всем камень. И люди быстро это оценили. Бронза плавилась при меньшей температуре, чем медь, в жидком состоянии была довольно текучей, и из нее можно было отливать металлические изделия сложной формы. Отличный материал! Причем, олова в мягкую медь нужно добавить совсем немного (от 5 до 20 процентов), чтобы получить прекрасную твердую бронзу. Но поскольку месторождения олова – большая редкость, пути доставки этого стратегического материала особо контролировались, так как войска государств вооружались именно бронзовым оружием.

Не очень богатые месторождения олова были в Киликии, Малая Азия (территория современной Турции). Это не слишком далеко от основных центров древней цивилизации – Египта и Вавилонии. В Киликии олово добывалось полторы тысячи лет (потом месторождения иссякли), и отсюда целые караваны осликов везли его к металлургическим центрам древ-

ности, в сторону Междуречья и в Египет. Один ослиный караван мог доставить до 12 тонн олова. Этого хватало для выплавки более ста тонн бронзы, а таким количеством можно было полностью вооружить армию. Правда, основное население еще долго продолжало пользоваться каменными орудиями, поскольку поначалу производство дорогой бронзы в расчете на душу населения было крайне невелико – в Вавилонии оно достигало 300 граммов на одного жителя в год, а в Египте и того меньше – 50 граммов¹.

И потому настоящим открытием стала находка богатых оловянных залежей на Британских островах. Если вы посмотрите на карту, то увидите, что Британия очень далеко и от Малой Азии, и от Египта с Междуречьем. Чтобы туда добраться, необходимо из внутреннего Средиземного моря выходить через Гибралтарский пролив в открытый Атлантический океан, то есть совершать долгое и опасное путешествие. Но на этом можно было хорошо заработать, и люди стали плавать, связав таким образом главные центры древних цивилизаций с дикой в ту пору европейской окраиной. Это и есть глобализация – культурные и торговые связи, объединяющие мир, цивилизующие его, ибо торговля несет с собой цивилизацию.

К глобализации мира приводила специализация регионов... Всем понятно, что такое специализация или разделение труда у людей. Дикарь или крестьянин в отдаленной деревне все делает для себя сам, это называется жить натуральным хозяйством. Он универсал. А житель древнего Вавилона уже имел профессию. Он был писцом. Или горшечником. Или ювелиром. Или разносчиком. Или плотником. Или изготавливал упряжь. Обжигал голубенькую облицовочную плитку для украшения вавилонских стен. Добывал и доставлял асфальт для связки кирпичей в городских стенах. Ловил рыбу. Работал в царских конюшнях. Был художником или скульптором. Строил. Стирал белье на заказ. Ткал. Шил. Делал лодки или оружие. Содержал

¹ Эдвард Эрлих. Минеральные месторождения в истории человечества.

таверну или гостиницу. Работал поваром, красильщиком, архитектором или отвечал за безопасность в городе. Дубил кожи... Господи! Да полно было профессий уже тогда! Совершенно нормальное разделение труда, ведь невозможно в сложном (городском) обществе делать все для себя самому – слишком много уже товаров изобретено!.. Это ясно.

Но что такое специализация на уровне стран, которая и приводит к расширению торговых путей между ними, глобально связывая мир? Это международное разделение труда. Теперь уже не только отдельные особи обмениваются между собой, но и народы в целом. Не могут все страны делать для себя все в силу разных географических, климатических и геологических условий. Где-то растут специи, а где-то нет. Где-то есть месторождения меди, золота, свинца, серы, серебра или олова, а где-то нет. Где-то есть черноземы для выращивания нескольких урожаев пшеницы в год, как в Египте, а где-то растут оливки, как в каменистой и островной Греции с ее извилистым побережьем, изрезанным бухтами, в коих удобно укрывать от непогоды корабли. А значит, кто-то хлебороб, а кто-то мореход (или пират). Ну, и рыбак, конечно. Практически все прибрежные жители баловались рыбной ловлей...

Поэтому на уровне стран, как и на уровне людей, тоже неизбежно возникает специализация. В бронзовом веке в мире установился определенный относительно устойчивый миропорядок. Было несколько крупных сверхдержав, связанных друг с другом мирными договорами и наладивших торговые и культурные коммуникации. Хеттская держава специализировалась на металлургии, поскольку в Малой Азии были месторождения меди, золота и свинца. Египет поставлял в Малую Азию зерно. Из Британии везли олово, из Испании серебро, с Сицилии – серу, которая применялась во всех регионах Средиземноморья, где выращивали виноград, для окулировки винных амфор, чтобы вино не прокисло (как видите, первые консервы изобрели за несколько тысяч лет до нашей эры). Мощное металлургическое производство было также на Кипре, там отыскивались богатые медные месторождения. А логистику осуществляли (то есть перевозили товары) в основном финикийцы.

Удивительная Финикия, жители которой считались превосходными мореплавателями и кораблестроителями, находилась на восточном берегу Средиземного моря, там, где сейчас расположены Ливан и Сирия. Финикийцы делали отличные корабли (кстати, делали их и на заказ, то есть на экспорт), обладали отличными мореходными знаниями. В общем, специализировались на мореходстве. А почему? А по двум причинам. Восточное побережье Средиземного моря отделено от остального континента цепью гор. То есть плодородных земель там мало, финикийцы жили на узкой полоске земли и потому были просто вынуждены связать свою жизнь с морем. Это первая причина. Вторая – в горах рос прекрасный ливанский кедр, из которого финикийцы делали свои корабли. Поэтому их маленькие рыбацкие деревни постепенно выросли в великие торгово-ремесленные города.

Кстати, финикийцы не только делали из кедра корабли, но и торговали своим кедром. В Египте очень ценилась кедровая смола, ее использовали для бальзамирования покойников, пропитывали особо ценные папирусы в целях наилучшей сохранности. Кроме того, смолу эту в Древнем мире использовали в косметических целях. И даже кедровые опилки шли в дело – их сыпали на пол для ароматизации воздуха и отпугивания насекомых. Опилками также пересыпали одежду и белье в сундуках, дабы придать ткани запах свежести.

Помимо кедрового масла, смолы и древесины финикийцы торговали пурпуром, они были непревзойденными мастерами по окраске тканей в яркий пурпурный цвет. Пурпур делали из водившихся в море моллюсков. Краски этой производилось так много, что финикийцы даже паруса своих кораблей окрашивали в пурпурный цвет. Кстати, именно финикийцы изобрели алфавит. Весьма разносторонний народец!

Поскольку Финикия была в целом городской культурой, а в городах обитает огромное число потребителей разных товаров, в них возникают многочисленные ремесленники, которые живут профессией. Небольшая деревня прокормить горшечных дел мастера не может – ну не

нужно здесь людям столько горшков даже с учетом того, что глиняная посуда иногда разбивается! Поэтому как только горшечник обеспечит всех посудой, ему придется класть зубы на полку или менять род занятий, чтобы не помереть с голоду. А вот огромный рынок большого города запросто может обеспечить горшечных дел мастера работой на всю жизнь без необходимости менять профессию. Отметьте это важное свойство экономики – для специализации нужно большое число народа, большой рынок. А если ты один – все будешь делать себе сам.

В общем, великие города Финикии производили столько всякой всячины, что ее хватало не только самим жителям Финикии, но и еще товар отправлялся в другие страны. Финикийцы экспортировали ювелирные изделия из меди, серебра и золота, керамику, бронзу... А главное, финикийцы научились делать прекрасное стекло. Они умели производить цветное стекло, прозрачное стекло, непрозрачное стекло, черное стекло. Делали из него зеркала, посуду, разного рода украшения. Придумали технологию дутья. Количество производимого стекла было столь велико, что археологи находят финикийскую посуду и другие стеклянные прибуды не только по всему Средиземноморью, но и во всем тогдашнем глобальном мире – от Британии до Индии. Причем, многие товары делались финикийцами специально на экспорт в определенную страну, например, в Египет поставлялись изделия с египетскими мотивами и рисунками – подобно тому, как сейчас в Китае по заказу делают сувениры с европейской символикой для продажи туристам, посещающим разные города и страны Европы.

Кстати, о туризме. Туристическая отрасль в Древнем мире тоже имела место быть. И наибольшего расцвета она достигла в Древнем Риме, откуда роскошные круизные лайнеры возили римских туристов в Египет – поглазеть на пирамиды.

Вообще, тысячи лет назад тогдашний глобальный мир имел, как ни странно, много схожих черт с современным глобальным миром. Даже такая, казалось бы, современная вещь, как гуманитарная помощь, существовала уже в бронзовом веке – Египет, например, посылал зерновую помощь хеттской державе, в которой случился неурожай...

И уже в те времена были свои бренды, торговые ярлыки и торговые марки, что не только свидетельствует о борьбе с возможными подделками, но и буквально вопиет о глобальных торговых связях. Так, например, на берегах Инда были найдены булавки с головками в виде звериных голов, сделанные в Междуречье, а в Междуречье – индийские торговые печати. Но что такое торговые печати? Это резные камни с определенным рисунком, который у каждого производителя был свой, и этой печатью производитель опечатывал свой товар, гарантируя таким образом его вес и качество. Тюк, ящик или амфора с вином или маслом обвязывались веревкой или затыкались пробкой, на веревку или пробку наклепывалась глина и опечатывалась. После высыхания глины вскрыть упаковку, не повредив печать, было нельзя. Иногда на товаре еще писали его наименование, вес, регион изготовления. Таможня могла добавить свою метку – например, о растаможивании, то есть об уплате пошлины за ввоз или вывоз.

В Египет из Индии и Аравии через Красное море корабли доставляли слоновую кость, эбеновое дерево, обезьянок для развлечения, золотые изделия, голубые и зеленые драгоценные камни, ну и, конечно же, легендарные благовония – ладан и мирру. Благовония были одним из самых значимых товаров экспорта и импорта в Древнем мире! И до бума специй (о чем ниже) именно торговля благовониями воплощала в себе торговлю роскошью.

Благовония – это редкие ароматические смолы и другие вещества с приятным запахом. При их сжигании ароматный дымок распространяется во все стороны, изрядно украшая жизнь. А зачем еще люди стремятся к богатству, как не для украшения своей жизни?..

Ладан и мирра – кусочки смолы двух разных деревьев одного семейства, которые произрастают на Аравийском полуострове. Во время их цветения окрест распространяются сногшибательные ароматы, что было людьми когда-то замечено, оценено и использовано. С тех пор

Аравийский полуостров тысячами лет снабжал весь тогдашний мир смолами этих деревьев. Тоннами корабли везли ладан и мирру из Аравии в Египет, на Ближний Восток и в Европу².

Ароматические смолы, обладающие легким наркотическим и антисептическим эффектом, жгли в храмах Вавилона, Иерусалима (где для них были построены особые хранилища). Египтяне их не только жгли, но и использовали при бальзамировании покойников. Греки палили ладан в храмах Зевса. Позже практику курения благовоний переняли у язычников христианские церкви. Считалось, что во время эпидемий окуренные благовониями (по сути, продезинфицированные) храмы якобы могут помочь спастись от болезни.

Несмотря на то, что по большим праздникам в храмах эти смолы жгли килограммами, стоили они очень дорого. Поэтому в отношении простых работников, имевших дело с перегрузкой и расфасовкой драгоценных кусочков смол, применялись такие меры безопасности, какие сейчас применяются на предприятиях, работающих с золотом – чтобы ни пылинки не украли! Ведь это очень легко – положить крохотный кусочек драгоценности в волосы или складку одежды. Поэтому мы и читаем у Плиния: «В Александрии, где благовония смешиваются для продажи, – во имя Геркулеса! – никакой бдительности не будет, чтобы присмотреть за этим хозяйством! Застежки одежды у работников скреплены печатью, на голове их заставляют носить маску или мелкую сеть, а прежде чем им дозволяется выйти из помещения, они должны раздеться».

Зная, что морской транспорт во много раз дешевле сухопутного, египтяне эпохи фараонов прорыли канал от Нила до Красного моря, чтобы вообще избежать сухопутного отрезка транспортировки. (До наших дней этот канал не сохранился, его занесло песками, поэтому для современной торговли пришлось рыть новый – Суэцкий канал.)

В дальнейшем, уже в эпоху расцвета Римской империи глобальные торговые связи дотянулись из Средиземноморья аж до Китая, откуда в Рим поступали шелка, ибо в Китае жили червячки тутового шелкопряда, из нити коих трудолюбивые китайцы наловчились изготавливать удивительно тонкие и нежные ткани.

Ну, а из Индии в богатый Рим поступали уже знакомые нам товары – самоцветы, слоновый бивень, обезьянки и даже попугаи, которые произвели в империи настоящий фурор, когда впервые туда попали. Еще бы! Говорящая птица!

И раз уж мы завели речь о специализации людей и стран, нужно, наверное, сказать, что специализация наблюдалась и на промежуточном уровне, то есть в промежутке между людьми и странами – в разных городах внутри одной страны. Например, финикийский город Сидон специализировался на производстве и торговле стеклом, а финикийский город Тир – на производстве пурпура и пурпурных тканей.

То же самое происходило и в Римской империи. Скажем, на Апеннинском полуострове город Капуя славился своими изделиями из свинца и бронзы, здесь делали медную посуду, плели канаты – и все это развозилось потом по всей Италии. В Медиолане производили шерстяные ткани. В Путеолах изготавливали оружие. В Тарквинии – текстиль. Ну, а столица империи была центром по производству изделий из кожи.

Причем, так было во все времена. Скажем, если мы перенесемся из мира древности в XVI век, то увидим, что из 800 городков Англии по меньшей мере 300 специализировались

² Не следует путать два схожих понятия – мирру и миро. В известной поговорке «одним миром мажутся» речь идет не о мире и даже не о мирре, а о миро. Миро – ароматизированное масло, которое применяется в церковных обрядах у христиан. В основе миро лежит оливковое масло, которое проваривают с ладаном и различными ароматическими травами и специями. Образовавшимся пахучим составом в ритуальных целях мажут различные части тела человека, включая голову. Этот ритуал монотеисты переняли у язычников, у которых был хорошо известный историкам обычай первобытной магии, именуемый жиропомазанием. Дело в том, что у примитивных племен существовало верование, будто жир является вместилищем души и внутреннее или внешнее употребление жира может придать сил. Поэтому арабы в Восточной Африке мазались львиным жиром, монголы – курдючным салом, северные народности – тюленьим жиром, на Андоманских островах при посвящении юношей в мужчины их обливали растопленным свиным салом...

на одном виде торговли: 133 торговали зерном, 26 – солодом, 92 – крупным рогатым скотом, 32 – баранами, 13 – лошадьми, 14 – свиньями, 30 – рыбой, 6 – фруктами, 12 – сливочным маслом и сыром, 30 – шерстью, 27 – сукном, 11 – изделиями из кожи, 4 – пенькой. А один из городков специализировался на изготовлении деревянных ложек, которые потом разъезжались по всей стране.

Почему?..

Специализация, то есть разделение труда, повышает производительность труда – вот почему!..

Посмотрим, как это происходит на самом мелком уровне.

Залог успеха и доброй жизни

Английский мыслитель XVIII века Адам Смит однажды задумался о причинах богатства разных народов и написал об этом целую книгу. Так он стал одним из первых экономистов, то есть людей, изучающих природу богатства и особенности функционирования социальных организмов.

Смит приводит в своей книге классический пример с булавками. Мелочь, казалось бы, булавка, но в ней как в капле воды отразилась экономика...

Это очень простая штука! Кусочек заточенной с одного конца стальной проволоки. На другом конце – головка. Булавками портные скрепляют куски ткани при пошиве сюртуков.

Чтобы изготовить булавку, рабочему необходимо сделать несколько разных операций. Вытянуть проволоку на специальном станке. Нарезать на равные отрезки. Заточить кончик до остроты. Отдельно изготовить головку (а это тоже несколько операций). Затем подточить тупой конец булавки, чтобы приладить эту головку на тупой конец булавки. Отполировать булавку. Упаковать изготовленные булавки. В результате всей этой канители рабочий успевает за день сделать 20 булавок.

Чтобы повысить производительность труда, кому-то пришло в голову разделить все эти мелкие операции и поручить их разным рабочим. Теперь один рабочий тянул проволоку, второй резал, третий заострял концы, четвертый обтачивал тупой конец, несколько человек осуществляли производственные операции по изготовлению головок. Кто-то насаживал головки на булавки. Кто-то полировал. И отдельный человек паковал готовую продукцию в пакетики.

Да, это было невероятно скучно – целый день делать одно и то же. Но зато в результате такой работы 10 человек при помощи нехитрых приспособлений успевали сделать 48 тысяч булавок. То есть на одного приходилось 4800, а не 20 штук, как прежде.

Что же изобрели английские мануфактурщики, разделив таким образом операции? По сути, они изобрели конвейер. Сейчас в сознании людей конвейерное производство накрепко связано с американским производителем автомобилей Генри Фордом. Фордовский конвейер действительно напоминал современный конвейер, то есть движущуюся ленту или технологическую линию, по которой к работнику подъезжает агрегат, а работник прикручивает к нему детальку. Затем агрегат переезжает к другому дяде, и тот совершает следующую простую операцию. В результате набора таких простых сборочных операций в конце конвейера получается готовый автомобиль.

Работник, которому приходится выполнять одни и те же простые операции, в конце концов так набивает себе руку, что начинает делать их быстро и практически на автомате, не задумываясь. Кстати, об автомате... Разбиение процесса производства на отдельные очень простые операции позволило автоматизировать эти простые операции – сначала с помощью нехитрых ручных приспособлений, позволявших, например, обрабатывать десяток булавок за раз, а потом и с помощью роботов, как на современных автосборочных предприятиях, где людей на конвейере полностью заменили машины.

До внедрения Фордом конвейерного производства один автомобиль из отдельных деталей собирали 12,5 часа. Конвейер сократил это время до полутора часов. То есть на длинном конвейере из цепочки автомобилей каждый автомобиль находился полтора часа, постепенно двигаясь от работника к работнику и обрастая деталями. Но автомобили двигались один за другим, в результате каждые 10 секунд с автосборочного конвейера Форда сходил один автомобиль. Для первой половины XX века – очень неплохой результат!

В результате такой огромной производительности труда себестоимость одной машины упала, Форд смог снизить продажную цену автомобиля, и спрос на машины сразу вырос, что понятно: те люди, которые раньше не могли купить дорогую машину, смогли купить более

дешевую. Форд начал зарабатывать с оборота и на этом страшно разбогател и стал миллиардером...

Снижение себестоимости товара в результате роста производительности труда из-за специализации и автоматизации – великая вещь! От этого всем польза – и капиталисту, который прогрессивные новшества внедряет, богатея, как Форд, и всем гражданам, поскольку для них снижается цена на его товар, так как предприниматель ее сбрасывает, чтобы удушить конкурентов, то бишь отобрать у них рынок (покупателей). Те тоже, чтобы не разориться, вынуждены внедрять новшества и сбрасывать цену. Получается, что у народа образуются лишние деньги, которые можно будет потратить на другие товары. А это значит, что возникает экологическая ниша для выпуска новых товаров, иными словами, растут экономика и уровень жизни. А что такое уровень жизни? Это количество потребляемых народом товаров и услуг, больше ничего. Чем больше вы имеете, тем лучше живете – все просто! И этому способствует прогресс.

И вот тут, возвращаясь от Генри Форда в Древний мир, нужно отметить, что принцип конвейера, то есть разделения производственных операций на отдельные элементы, люди придумали задолго до Генри Форда. И задолго до булавок Адама Смита. Его придумали еще в Древнем Риме. Вот как описывает древнеримский конвейер по производству серебряных изделий один из античных авторов: «...в квартале серебряных дел мастеров, где один сосудик... проходит через руки многих мастеров, хотя его мог бы закончить один мастер, но превосходный... отдельные лица должны изучать быстро и легко отдельные части производства, и таким образом исключалась необходимость, чтобы все медленно и с трудом достигали совершенства в производстве в целом».

Это прекрасное описание «узкоконвейерной» специализации, которая не только позволяет повысить производительность, но и раскладывает действие хорошего мастера, коего нужно долго учить, на мелкие простейшие операции, которым научить гораздо проще и талант особый не нужен. Зато произведенные изделия получаются практически одинаковыми. Как с конвейера!

Аналогичный конвейер был у древнеримских металлообработчиков, в сукновальных и красильных мастерских, в хлебопекарном деле, керамическом производстве. Иногда специализация доходила до того, что в одном городе делали одну деталь, в другом другую, как это происходило в мебельном производстве: ножки для кушеток привозили из Делоса, металлические инкрустации – из Капуи, а сборочный цех находился в Помпеях. Даже такую мелочь, как канделябры, делали в двух городах: верх – в Эгине, а низ – в Таренте...

О чем это говорит? О высочайшем уровне развития, которого достигла цивилизация Античности. Чем выше специализация, тем глубже экономика, тем более развита цивилизация.

И эту специализацию мы наблюдаем на уровне людей, городов и стран. Причем, внедренный на уровне людей принцип конвейера – это уже глубокая специализация, когда человек не просто делает булавки, но становится узким специалистом по одной части булавки, а другие части булавки делать не умеет. Предел специализации!

Странно, но иногда сегодня приходится слышать такие слова: «Каждая страна должна развивать свое производство и обеспечивать себя всем сама, а не специализироваться на чем-то одном. Нужно быть независимыми!» Но возможно ли это? И зачем? Нужно ли в глобализирующемся мире, который стремится преодолеть все границы и барьеры, какой-то стране намеренно переходить к «натуральному хозяйству»? Это же путь в каменный век!

Вот мы с вами живем в России. Можем ли мы здесь выращивать, скажем, бананы? Как ни странно, можем, несмотря на то, что это очень теплолюбивое растение. Даже за Полярным кругом можем! Постройте оранжерею с ярким освещением, тропическим увлажнением и высокой температурой. И у вас там будут расти бананы. Но зачем? В результате колоссальных затрат энергии стоимость их будет такой, что в сотню раз дешевле купить эти бананы там, где они растут сами по себе практически без всяких усилий – в Африке или Турции – на халявном

солнышке. Зачем тратить ресурсы на то, что у тебя не растет или плохо получается? Делай то, для чего создан! И будешь в шоколаде.

Именно так естественным образом и получалась страновая специализация в Древнем мире – на плодородных халявных илах возле великих рек прекрасно росла в большом избытке пшеница, откуда ее развозили на кораблях по разным регионам. В районах месторождений добывались полезные ископаемые, и это было выгоднее, чем выращивать урожаи, поскольку на деньги за проданный металл можно было купить больше пшеницы, чем здесь бы выросло. В Китае водился тутовый шелкопряд – изделия из его нити отлично продавались за тридцать земель. А вот тут на берегу есть природная бухта, прикрывающая корабли от штормов, и есть источники пресной воды? Отлично! Построим здесь порт, возле которого позже вырастет город!..

И чем протяженнее были международные торговые связи, чем больше международная специализация, чем шире становился ассортимент товаров, тем богаче и лучше в среднем жили люди на планете. Чем больше был уровень глобализации, чем выше уровень развития торговли, тем более спокойная и мирная жизнь была у людей.

Эпохи великой торговли – это эпохи расцвета культуры и науки. Мирная сытая жизнь. Золотые века человечества... Адама Смита натолкнуло на мысль написать про булавки как раз бурное развитие экономики и общества, сильно поднявшее уровень жизни. А началось оно за добрую сотню лет до его рождения, еще в XVII веке, когда взрывным образом рождался капитализм, был невероятный бум искусств и финансов, испытывала невероятный подъем наука. Паскаль, Декарт, Ньютон, Кеплер, Лейбниц – все эти великаны науки родом из семнадцатого века!.. Современники характеризовали его как век торговли, когда количество лавок в городах росло столь быстро, что это поражало всех.

Испанский драматург Лопе де Вега писал, что «все в Мадриде превратилось в лавки».

В Лондоне французский посол, которого выселили из его дома, чтобы снести старую постройку и построить на ее месте торговые точки, удивленно писал, что не может найти себе пристойного жилья в огромном городе – кругом одни лавки!

Знаменитый английский писатель, автор «Робинзона Крузо» Даниэль Дефо отмечал, что количество лавок в Лондоне «сделалось чудовищным»: если в 1663 году их число составляло не более 60, то к концу века разрослось до 400.

Именно в Лондоне лавочники в погоне за покупателем придумали стеклянные витрины, превратившие лавки в современные магазины и поражавшие заезжих иностранцев необыкновенной красотой завитринного пространства. Такие дела...

Как характер экономики влияет на свободу

К сожалению, с древних времен развитие шло неравномерно. Эпохи взлета и процветания сменялись темными веками упадка и безвременья, когда высокая цивилизация обрушивалась, терялись навыки, умения, исчезала письменность, разваливалась торговля, а на прежних шумных, а теперь обезлюдевших форумах и площадях паслись козы, пощипывая пробивающуюся сквозь каменные плиты траву.

Это происходило по разным причинам. Могло случиться катастрофическое извержение и снести великую цивилизацию. Могли сыграть свою роль неблагоприятные колебания климата. Цивилизацию могла затопить «живая лава» в виде нашествия диких народов, без меры расплодившихся за пределами цивилизованного мира. Наконец, цивилизация могла прийти в упадок в результате тотального разрушения окружающей среды ею самой, например, безудержно вырубались леса, из-за мелиорации происходило засоление почв, отчего падали урожаи, и расплодившемуся народу становилось нечего кушать.

То, что люди превратились в силу, которая активно меняла окружающую природу, неудивительно. Жизнь вообще обладает таким свойством – менять природу. Когда-то зародившись на нашей стерильной планете, жизнь стала менять ее ландшафты и даже влиять на климат. Например, появление лесов начало охлаждать огромные территории, потому что солнечная энергия, которая раньше тупо нагревала почву и вызывала мощные теплые восходящие потоки воздуха, теперь поглощалась листьями. Леса также мешают заболачиванию почв, поскольку древесные стволы – это мощные живые насосы, высасывающие из почвы дождевую влагу. Но с еще большей скоростью природные ландшафты меняли живые существа, обладающие разумом.

Тысячами лет основным энергоносителем для человечества были дрова, древесина. Из дерева не столько строили жилища, сколько жгли его. Огнем люди обогревались, с его помощью готовили пищу. А затем потребление древесины выросло на порядок – люди начали изводить леса буквально в промышленных масштабах, поскольку уйма топлива требовалась для металлургических печей, обжига керамики и изготовления стекла. В результате Европа и средиземноморские острова буквально облысели. Когда-то Кипр был лесным островом, Греция была покрыта густыми лесами. Но всю эту красоту свели еще до нашей эры. Считается, что некоторые месторождения металлов и расположенные вокруг них производственные комплексы пришлось забросить, поскольку поблизости уже не осталось топлива для металлургических печей, а возить дрова за тридевять земель оказалось нерентабельно (экономически невыгодно).

То же самое случилось и в Финикии, где огромные масштабы кораблестроения и экспорта древесины практически уничтожили некогда обширные запасы ливанского кедра. И это привело к упадку Финикии. Надо сказать, сия проблема людьми осознавалась – древний грек Платон писал, что причиной экологической катастрофы в Греции (иссушение и обеднение почв) является деятельность человека. А первые попытки ввести природоохранные мероприятия в виде запрета на бесконтрольную вырубку начались еще в бронзовом веке. Почти четыре тысячи лет назад в Вавилоне царь Хаммурапи выпустил закон, карающий за незаконную вырубку, а лесник, который должен был за этим следить, но злоупотребивший своим служебным положением, подвергался казни.

Аналогичные природоохранные законы возникали в первом тысячелетии до нашей эры в Китае (императорский указ предусматривал даже высадку саженцев на склонах гор для восполнения убыли лесов), в Индии, в Риме...

В общем, путь к современному технологическому счастью был не близким и не прямым. Но везде и всегда, где и когда цивилизация отступала под натиском варварства или иных ката-

строф, мы наблюдаем упадок экономики, регресс, одичание и упрощение. А если, напротив, видим расцвет культуры, наук, невероятные достижения человеческого ума, то рядом непременно отмечаем небывалый расцвет экономики, торговли, финансов. И свободы...

Это важное наблюдение: развитая торговля тесно связана не только с богатством, развитием культуры и науки, но и со свободой.

Я имею в виду свободу личности, то есть свободу и права обычного, простого человека. Мы ведь уже знаем, что экономика демократична. Напомню: существует два типа управления обществом, условно я бы их развел в противоположные стороны, как двух бойцов по разные углы ринга, и обозвал так:

- **простой иерархический тип управления и**
- **сложный сетевой тип управления.**

Первый тип – это отражение отношений, существующих в обезьяньей стае, где самый сильный самец доминантен, он становится вожаком. И дальше вниз выстраивается пирамида подчинения. Конечно, даже в обезьяньем обществе все не так просто, там тоже существуют свои коалиции между особями, с помощью которых одна группа самцов продвигает и защищает свои интересы, ограничивает всевластие вожака и так далее. Но основа иерархического управления – пирамида, где небольшое число вышестоящих руководят нижестоящими, а на вершине пирамиды находится один доминантный самец. Этот самец в человеческой стае в разные времена назывался царем, падишахом, фараоном, султаном, императором, королем, вождем, фюрером, генеральным секретарем. Конечно, количество власти, сосредоточенное в руках доминанта, в разные эпохи и в разных странах было разным, и зависело это от сложности общества – чем сложнее устроен социум, тем большей властью верхам приходится делиться, сбрасывая куски власти вниз: поскольку за всем в сложном обществе уследить невозможно, поневоле приходится делегировать властные полномочия разным общественным группам и лицам. Но в относительно простых обществах – азиатских деспотиях, например, – у доминантного самца был сосредоточен в руках максимум власти. Деспоты могли неограниченно карать и миловать. Такими деспотиями и тираниями были, например, монокультурные земледельческие империи – Египет, царства Междуречья.

Почему?.. А по нескольким причинам!

Во-первых, земледелие в поймах рек требовало огромного массива ирригационных работ. Попросту говоря, рытья каналов для осушения болотистых низин и орошения засушливых равнин. Для этого требовалось заставить согласованно работать огромные количества людей. То есть потребовался аппарат насилия и сосредоточение власти под одну задачу. Так крестьяне незаметно превратились не в хозяев земли, а в государственных крепостных, которые делали то, что им прикажут – копали, пахали, сеяли, собирали урожай. И сдавали его государству для централизованного хранения. А уж потом государство распределяло собранное между работниками. Для этого требовался учет, то есть письменность и целый класс писцов-бюрократов. Позже, уже в XX веке такой тип государств назовут социалистическим.

Во-вторых, моноресурсность. «Моно» – значит «один». То есть наличествует один какой-то главный ресурс у такого общества.

Главный ресурс речных долин – пшеница и другие злаковые культуры, которые отлично росли на плодородных речных илах, давая грандиозные урожаи. Если само родится, если само прет из земли, чего еще желать? Все остальное купим за деньги! А деньги получим за счет продажи зерна тем людям, которые умеют делать что-то другое. И поскольку основной ресурс один, а не сотни, за ним и уследить легко – весь государственный аппарат, олицетворяемый бюрократией (писцы-чиновники), был заточен под эту задачу. А следовательно, такой ресурс легко монополизировать, то есть прибрать к рукам. И распределять централизованно. Что и делает власть, становясь основным кормильцем народа.

Таким образом, моноресурсные, сырьевые страны легко подчинимы властью. Забегая вперед, скажем, что современная Россия – моноресурсная страна. Она живет за счет продажи углеводородов (нефть, газ), и потому власть в ней сосредоточила в своих руках весь финансовый ресурс и превратилась из демократической в авторитарную, то есть стала не рассредоточенной по низам, а сосредоточенной наверху, централистской, иерархической. Такие режимы называют автократиями (позже мы поподробнее их рассмотрим).

И Россия – не единственная автократия на планете. Таким образом, даже в современном усложняющемся мире возможны ситуации архаизации, то есть упрощения социального организма, вызванного простотой и примитивностью его экономики, которая основана на одном ресурсе. (Правда, нужно отметить, что в современном мире автократии часто мимикрируют под демократии, откровенные азиатские деспотии нынче не в моде.) Если теперь уйти от социальных организмов и перейти к биологическим, то мы увидим, что и в биологии тоже подобная примитивизация иногда наблюдается, когда какой-то вид переходит к «легкой жизни», превращаясь в паразита, питающегося чужими соками, в глиста какого-нибудь. У этого вида могут наблюдаться явления биологического регресса, то есть упрощения – атрофируются ненужные более сложные органы (например, глаза – зачем они, если ты живешь в жопе?)

Противоположностью моноресурсной автократии является демократия или, иначе говоря, республика. Республиканский строй никаких царей и автократов у власти не предполагает. Здесь власть по-настоящему выборна, выборы нефальшивые, поэтому они непредсказуемы, а значит, существует развитая, весьма активная и конкурентная политическая жизнь с разными партиями, выражающими интересы разных групп населения – как, например, в древнем республиканском Риме.

Вообще, если мы посмотрим на великие торговые цивилизации – Рим, Финикию, Карфаген, Венецианскую республику, Генуэзскую республику, Ганзейский союз (в который входила и наша Новгородская республика), везде мы увидим демократический, то есть выборный, способ управления, при котором избиратели сами избирают себе власть на какой-то срок, а затем следуют новые выборы, чтобы власть не засиживалась чересчур долго, не прикипала задницей к трону и не злоупотребляла своим положением. А если кто-то злоупотребил, то после переизбрания его всегда можно засудить, и он, будучи отстраненным от власти, уже не сможет использовать свою власть, чтобы не попасть в тюрьму.

Почему же торговая страна – это, как правило, республика, а не деспотия?

Потому что в такой стране ассортимент товаров – производимых и привозимых – грандиозен, и занимаются производством и доставкой всей этой товарной номенклатуры десятки тысяч людей. Иными словами, государственная казна наполняется не из одного источника, она не моноресурсна, а натекает из сотен мелких и средних источников – пополняется сотнями тысяч налогоплательщиков, тысячами профессиональных групп, примерно равных по своему вкладу. Их очень много, их всех под одну гребенку не причешешь, поскольку у них у всех разные интересы и условия работы. Приходится с ними договариваться, лавировать. Мелкому и среднему бизнесу не нужна никакая централизация, напротив, бюрократия может только повредить, дезорганизовав своими неумными распоряжениями поставки и производство. Тут нет нефтяных или зерновых магнатов, которые кормят страну и которых власти могут легко нагнуть (или, напротив, богатые олигархи могут купить власть и начать диктовать условия всей стране, что понятно: кто кормит, у кого в руках ресурс, тот и хозяин; кто платит, тот заказывает музыку).

Есть люди, ввозящие в нашу условную древнюю республику зерно из Египта. Есть люди, которые привозят оловянное сырье из Британии и медные слитки из Анатолии, есть стекольщики, обеспечивающие республику налоговыми поступлениями за счет экспорта во весь мир своей прекрасной продукции. Есть люди, производящие оружие... В Древнем Риме, например, была целая отдельная индустрия по производству специального черного соуса из рыбных

внутренностей. Назывался он гарум. Римляне этот соус просто обожали, и потому итальянское побережье в некоторых местах покрывали бесконечные ряды огромных бетонных чанов, где разлагались (по-научному ферментировались) рыбы внутренности и рыба мелочь. Воньща, говорят, стояла невероятная! Но деньги эта вонь приносила немалые... Кстати, специализировался на производстве гарума, в частности, город Помпеи.

Короче говоря, в развитых торговых странах экономика базируется на производстве и доставке тысяч разных товаров, за которыми стоят интересы разных групп людей. В таких условиях власти зависят от сотен и тысяч сопоставимых по величине источников наполнения государственной казны и вынуждены со всеми считаться, уживаться, договариваться. А по сути, это сами люди, само общество внутри себя договаривается, меняя властные фигурки под свои интересы. Вот это взаимосогласовывание и называется республикой, что в переводе с латыни означает «общее дело» (*res publica*).

Со временем такие договоренности оформились в политические институты демократии – выборность власти, независимую от власти судебную систему, политические свободы граждан, поскольку все граждане республики имеют равные права, могут голосовать, избирать и быть избранными на руководящие должности, если убедят избирателей в своей полезности.

Из этого понятно, что демократическое общество устроено гораздо сложнее обезьяньей стаи или восточной деспотии. Но даже в восточных деспотиях были огромные торговые центры, которые пользовались относительной свободой. Порой торговым городам удавалось сохранять определенную самостоятельность даже во времена иноземных завоеваний, когда цари-завоеватели оставляли мегаполисам некоторую независимость в принятии решений. Так, например, финикийские города Тир, Сидон, Библ в рамках Персидской империи имели автономию. А жители Вавилона объясняли ассирийскому царю-завоевателю: «Даже собака становится свободной, когда входит в Вавилон».

Большие города требуют свободы! А уж свобода влечет за собой разнообразие жизни и толерантность, то есть терпимость к иным взглядам, одежаниям, непривычному поведению чужеземцев, незнакомой пище. Вне подобной терпимости тесное проживание особей одного вида попросту невозможно. Ведь мы животные, а у животных отмечен эффект повышения внутривидовой агрессии при повышении скученности. У людей же эта агрессия подавляется культурно-экономическими механизмами, которые понижают агрессивность и позволяют мирно сосуществовать в тесноте огромного города сотням тысяч и даже миллионам людей. Деревенское же, традиционное сознание, порожденное информационно бедной средой, отличается нетерпимостью, консервативностью и подозрительностью ко всему новому, непривычному: деды наши жили без енто, и мы проживем!..

В школе на уроках истории нас всех учили, что в Европе примерно двести лет тому назад приключились буржуазные революции. Действительно, по мере прогресса, когда новые изобретения и технологии запустили в жизнь тысячи тысяч новых сложных товаров и производственных цепочек, когда вокруг этого появилось облако обслуживающих городских профессий (юристы, инженеры, журналисты, рекламщики, исследователи и пр.), общество настолько усложнилось, что на первый план вышло промышленное производство вещей, а производство еды в деревне перестало быть главным и отошло на второй план. И вместе с ним отошли в прошлое царившие дотолы «динозавры» – крупные землевладельцы. Интересное было время! По всей Европе вспыхнули буржуазные революции, которые полностью перестроили общество, заменив единовластную монархическую модель управления моделью республиканской. Аристократы-землевладельцы по главе с главным землевладельцем – королем – потеряли свои привилегии, положенные им по праву рождения, все граждане стали равны и гораздо более свободны. А стало быть, главой страны в теории мог теперь стать каждый – и уже не по праву рождения, а путем выборов. Получившие всю полноту юридических прав деловые

предприимчивые люди (буржуа) открывали тогда тысячи новых производств, внедряли сотни изобретений, и эту эпоху назвали эпохой Промышленной революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.